

Мишель Пэнсон, Моник Пэнсон-Шарло

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ И
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ПОЛУФОРМАЛИЗОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ.
ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ АРИСТОКРАТИИ
И КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ¹**

Мишель Пэнсон, Моник Пэнсон-Шарло

(Франция)

Основываясь на личном исследовательском опыте, авторы анализируют влияние социальной дистанции между интервьюером и респондентом на результаты интервью при исследовании образа жизни аристократии. Влияние этого фактора, методы его снижения или хотя бы учета рассмотрены применительно к трем этапам опроса - (а) подготовка интервью: отбор и поиск респондентов, источники получения априорной информации об изучаемой социальной группе, установление контакта с респондентом, ритуал представления; (б) проведение интервью: специфика ролевых позиций интервьюера и респондента, психологическое переживание партнерами социальной дистанции, учет особенностей коммуникативного поведения; (в) интерпретация: обеспечение социальной нейтральности по отношению к опрошенным, принцип анонимности, знакомство респондентов с результатами интервью.

Ключевые слова: полуформализованное интервью, социальная дистанция, интервьюер, респондент, ситуация интервью, социальные группы, аристократия, крупная буржуазия, социальное происхождение.

Желание проанализировать трудности проведения социологического исследования в среде господствующих классов не означает, что мы игнорируем сложности, присущие изучению

других социальных слоев. Каждая ситуация интервью ставит в щекотливое положение взаимной зависимости социальные позиции как одного, так и другого, как интервьюируемого, так и интервьюера. Мы хотели бы попытаться вычленивать то специфическое, что могут нести в себе подобные трудности тогда, когда исследуются "высшие классы" и те, кто относится к категориям, быть может, наиболее уверенным в своем положении и его легитимности, а именно - богатая аристократия и насчитывающая несколько поколений крупная буржуазия.

Статистически темы исследований распределяются в зависимости от затрагиваемых социальных слоев таким образом, что это делает невероятной встречу социолога и аристократа или крупного буржуа в ситуации интервью. По крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о таких темах как образ жизни, организация повседневной жизни и семейного обихода. Социолог никогда не встречается господствующие классы "в поле", разве что в качестве руководителей предприятий или высокопоставленных чиновников, то есть в их общественной роли. Эта функциональность, отправляясь от которой подходят к социальной персоне, затушевывает ее реальное положение. Понятие "крупный буржуа" включает в себя всегда больше, чем просто "профессиональное" положение, и к тому же, может быть, это "больше" лучше всего определяет его позицию. "Больше", а именно, исключительная аккумуляция капитала во всех возможных формах, делает социальное положение несводимым к положению, занимаемому в системе производства. Этот накопленный капитал особенно ощутим в ситуациях интервью, когда в силу темы исследования в фокусе изучения оказывается именно личность интервьюируемого, его семейная жизнь и его биография. Так как чаще всего интервью происходит дома, все обстоятельства способствуют тому, чтобы интервьюируемый продемонстрировал, даже против своей воли, капиталы, которыми он в избытке наделен. Несмотря на хорошие манеры, выказывать которые его обязывает воспитание, интервьюируемый приходит к описанию богатства и жизненных успехов, а ими он

не обделен. Именно в этом заключается оригинальность данной ситуации.

Хотя социологическое исследование не ограничивается одними интервью, последние концентрируют в себе наибольшие трудности из-за того, что требуют контакта лицом к лицу, по крайней мере, те из трудностей, источником которых становится отношение исследователя и его "объекта". Можно предположить, что овладеть и управлять этим отношением тем более сложно, что существует близость физического расстояния, не опосредованная, например, письменной поддержкой документа (если верно, что непосредственный пространственный контакт делает еще более ощутимой и очевидной социальную дистанцию). Следовательно, главным образом речь здесь пойдет об интервью, хотя и другие аспекты социологического исследования могут быть затронуты, потому что, например, изучение документов также различается по своим условиям в зависимости от того, какая социальная среда при этом затрагивается.

Ясно, что отношение интервью обретает смысл только через осознание социального положения социолога, которое не может быть просто сведенным к его месту в табели о рангах Национального Центра Научных Исследований. Анализируя исследовательскую работу в конкретной среде, социология социологической практики не сумела бы абстрагироваться от социального происхождения социолога, будь его "объектом" мир рабочего люда, средние классы или крупная буржуазия. Парадоксально, что правилом оказывается молчание по поводу социального происхождения социолога, тогда как речь идет, в соответствии с наиболее неопровержимыми результатами самой дисциплины, об измерении, существенном для эпистемологической рефлексии. Для того чтобы описание наших столкновений с полем было понятнее, следует обязательно, как нам кажется, рассказать о своем происхождении. Без сомнения, привычное молчание имеет своей причиной необходимость придать социологическому предприятию, поступку всю видимость научности. И, следовательно, отрицать или, по крайней

мере, умалчивать о воздействии социального происхождения на практику. Если бы социология была наукой, то она была бы одинаковой для всех социологов, независимо от их социальной траектории. Каково бы ни было происхождение, заявить о нем - это признать исходную задачу, которая путем замалчивания держится в секрете: социолог должен являть собой чистый разум, освобожденный от всех социальных обстоятельств.

В действительности он никогда от них не свободен, но должен делать вид, будто это так. Манкирование этим долгом осторожности означает нечто неподобающее, даже вульгарное пренебрежение правилами социальной игры. Методологическим алиби может служить предоставление сведений о происхождении или других биографических деталях существования исследователя в виде исходных данных, не подвергнутых анализу. Будто указать, "откуда" говорят, достаточно, чтобы установить, чем исследование может быть обязано положению, в котором производится, и траектории, пройденной для достижения этого положения. Следовательно, здесь мы приложим все усилия к тому, чтобы разъяснить, насколько сможем, что в отношении к нашему "объекту" произрастает, хотя бы отчасти, из наших корней происхождения и наших траекторий.

Дочь судьи, внучка мелкого промышленника и врача, одна из нас происходит из мелкой провинциальной буржуазии и провела детство и часть отрочества в Менде, столице департамента Лозер. Другой из нас - сын рабочего-шлифовщика, ставшего разъездным кассиром в банковском агентстве города Шарльвиль-Мезьер, столицы Арденн. Его дедушками, которых, впрочем, он не знал, были рабочий-шлифовщик из долины Мез и скромный владелец деревенской авторемонтной станции. Детство, проведенное в селе, и отрочество - в городке. Следовательно, существует значительная социальная дистанция, отделяющая авторов от крупной буржуазии, более чреватая последствиями для сына и внука рабочего-шлифовщика, но далеко не малозначащая для потомка мелких буржуа из Луары. Особенно если принять во внимание тот факт, что исследование

должно было проводиться в семьях богатой аристократии и старой парижской буржуазии, то есть в гуще наиболее выдающихся слоев господствующих классов. Впрочем, отношение исследователя к объекту начинает складываться, когда определено изучаемое население.

1. Состав изучаемого населения

В исследовании мы намеревались предпринять попытку понять смысл городской сегрегации для социальных групп, находящихся в наиболее благоприятном положении, то есть проживающих в парижских кварталах, где селятся высшие слои общества, и цены на недвижимость самые высокие. В силу методологического выбора речь шла об исследовании населения, совмещающего капитал в разных формах и сочетающего богатство с давностью принадлежности к высшим классам. Мы стремились к тому, чтобы для этих семей вес экономических ограничений был, по возможности, минимальным, дабы располагать "выборами", которые диктуются исключительно ограничениями социологического характера. Кроме того, эти семьи должны были принадлежать к династиям, вот уже много поколений занимающим позиции социального господства. Давность социальной принадлежности и высокая степень богатства были, следовательно, двумя критериями выбора семей.

Обязательно ли это означает для исследователя постановку перед собой самой трудной задачи? Опыт, как нам кажется, доказывает, что нет. Так как светскость есть качество, культивируемое в этой среде, то именно оно влияло на желание потенциального респондента участвовать в интервью. Непременное условие получения согласия на интервью, каждый раз затрагивающее отношения между родственниками или дружественными семьями, сильно склоняло к положительному ответу, чтобы не обидеть человека, от которого исходила рекомендация. Последняя, благодаря давлению светских правил,

благодаря магии знакомого имени², которым мы могли похвастать, а также благодаря развлекающему снисхождению к делу исследователей, с которыми никогда не приходилось соприкасаться, действовала как настоящий Сезам, открывая трудно преодолимые двери, в том числе и в круги, тщательно укрываемые от навязчивых людей³.

Задним числом можно спросить себя, почему мы ограничили свою выборку семьями, издавна отличавшимися добропорядочным происхождением. В общем мы могли бы признать необходимым опросить также нескольких представителей тех "выскочек", что столь обесславлены аристократией и старинной буржуазией, даже если бы это было нужно только для того, чтобы проконтролировать высказывания последних, столкнув их с рассуждениями, по всей вероятности, существенно различающимися. Следует ли отсюда заключить, что мы сконцентрировали свое внимание на наиболее легитимных рассуждениях, какие только могли бы надеяться собрать? Что мы, со своей стороны, переняли иерархию давних и новых представителей, которую первые стремятся установить в свою пользу? Не завораживает ли это людей скромного происхождения, каким бы ни было их социальное будущее, по определению находящихся за рамками достижимого, а именно длительности, совершенно бесценного времени, которое невозможно приобрести? Слишком далекие от изучаемой среды, не вынуждены ли мы перенять ее категории классификации, не располагая властью соотнестись с ее критериями?

Как бы то ни было, личная рекомендация является неперенным условием получения принципиального согласия на интервью. Может быть, сомневаясь в возможности хорошо провести исследование в среде абсолютно нам незнакомой и априори оцененной нами как мало расположенной к нашему социологическому предприятию или во всяком случае к самой социологической науке, скорее левой, мы практически не пытались установить прямые контакты с людьми, которых намеревались интервьюировать. В последующих исследованиях,

несомненно расхрабрившись от успехов, выпавших на нашу долю в том, что касалось наших запросов (на тридцать интервью, о которых ходатайствовали для нас перед семьями, мы получили всего лишь один отказ), мы осмелились, минуя рекомендации, писать и звонить людям, взяв их имена и адреса из светского ежегодника Боттэна⁴. Результат оказался на свой лад поучительным. Мы отправили пятнадцать писем, запрашивая согласия на интервью, получили десять отказов, не смогли встретиться с четырьмя семьями, вечно отсутствующими, и в конечном счете нам удалось взять только одно интервью по телефону.

Таким образом, все приходит к тому, что социолог скромного происхождения должен пройти через ритуал представления. Поскольку вы не принадлежите к "высшему" свету, важно, чтобы ваша почтенность была установлена одним или несколькими людьми, легитимно в него входящими. Господствующие слои господствующих классов всегда испытывают потребность увериться в социальной значимости людей, с которыми вступают в отношения. Ритуал представления помещает новичка в сеть уже известных связей и исключает ту новизну, что всегда несколько беспокоит, когда неизвестный не был вам представлен. Крестничество, правило всех высших кругов, является одной из кодифицированных форм этого ритуала. Миссия крестников заключается в том, чтобы напомнить членам круга, что незнакомый им кандидат является человеком, достойным доверия не только в силу своих личных качеств, но также и прежде всего потому, что семейство, из которого тот происходит, само имеет "знак качества", чему лучшей гарантией служит социальная генеалогия.

Конечно, процедура представления используется и в других кругах, в том числе в народной среде при определенных обстоятельствах. Но она никогда не достигает столь богатого содержания, какое присуще ей в "хорошем" обществе, так как именно там сети плотнее всего, и процедура представления подспудно или открыто отсылает ко множеству альянсов всякого

рода. От этих связей социолог абсолютно отстранен. Он может воспользоваться рекомендацией лишь единожды, и она не означает включения в эту сеть. Впрочем, проблема заключается здесь не в образе социолога, формирующемся у людей, давших согласие на интервью. Социолог принимает меру социальной дистанции, отделяющей его от объекта, отчасти делая предощушаемое открытие, насколько важен социальный капитал семейств. Априори ознакомленный со средой, в которой должно разворачиваться его исследование, социолог видит, как растут его опасения, получая подтверждение своим, прежде абстрактным, знаниям о концентрации власти в узких кругах, куда он скоро проникнет.

Опасения приобретают значение только по причине темного происхождения исследователя. Само собой разумеется, что буржуазность по рождению не оставила бы человека таким растерянным или оглушенным перед лицом практической проверки того, что можно было вычитать из книг. Происхождение из подчиненных слоев господствующих классов, то есть из семьи с большим культурным капиталом, предпочтительно парижской, так же могло бы вооружить исследователя контр-легитимностью при встрече с социальными агентами, обязанными своим социальным положением прежде всего наследию экономического и социального капитала.

Следовательно, установка, с необходимостью принимаемая социологом скромного происхождения, - это почтительность, в то время как при других обстоятельствах подразумевалось бы участие к среде, из которой сам вышел, или даже снисхождение по отношению к семьям более скромного социального происхождения, чем его собственная. Снисхождение, которое он позволяет себе вплоть до того иногда, что называет интервьюируемых по имени независимо от возраста, воспроизводя это на стадии публикации интервью. Фамильярность, которую ни один социолог не позволил бы себе, цитируя слова государственного советника или администратора общественной организации, члена какого-нибудь из высших парижских кругов.

2. Предварительное исследование и представление себя

Социолог, изучающий господствующие классы, далеко не обделен источниками для выбора семей для интервью и подготовки самого интервью. Высокопоставленные семьи и их члены имеют многочисленные возможности фигурировать в самых разнообразных документах, в ежегодниках выпускников престижных учебных заведений, в списках членов клубов и кружков, в светском ежегоднике Боттэна⁵. Все эти перечни подтверждают тем, кто наверняка никогда в них не попадет, как неуместно их желание завязать с этими людьми контакты, даже если эти контакты были бы лишь профессиональными и эпизодическими. Эти списки позволяют узнать о титулах, понять меру важности сети семейных связей, познакомиться с фамилиями людей, принадлежащих к высшим кружкам и клубам. Сами адреса производят эффект, навязывая господство, когда, например, к адресу квартиры на ул. Виктора Гюго или авеню Фош добавлено упоминание о замке в провинции.

Одновременное присутствие в светском ежегоднике Боттэна родственников, потомков, детей и своячеников представляет собой обнародование значительного семейного капитала - специфической формы социального капитала. В списках ралли⁶, в ежегодниках кружков, в словарях аристократических или буржуазных династий одни и те же родовые имена повторяются много раз. Таким образом, одним своим повторением и соседством с другими выдающимися родами фамилия обретает ценность. Эти сведения по природе своей облегчают работу социолога, дают ему исходные ориентиры в отношении семей, где он будет проводить интервью. Эта информация укрепляет его в мысли, что он должен будет столкнуться с миром очень многочисленных социальных и семейных наслоений. Конечно, существование всех этих документов, более редких и даже отсутствующих в других социальных группах, облегчает работу исследователя. Но в то же время эта упорядоченность информации,

покрывающей, впрочем, лишь отдельные аспекты жизни семей, показывает среду очень конкретно структурированную, в то время как социолог мог иметь лишь абстрактное представление об аристократии или буржуазии. Ибо эти светские списки составляются для внутреннего употребления, чтобы облегчить связь и накопление социального капитала в самой среде господствующих классов. Социолог только в своем исследовании может открыть плотность и качество сети отношений, на которую намекают эти перечни с их тысячами имен.

Из всего этого предварительного расследования и из самих интервью вырастает парадоксальное удивление. Удивление перед тем исключительным, что таит в себе это существование: обучение в самых известных государственных и частных заведениях во Франции и за границей; дальние путешествия; сеть родственников и друзей, объединяющих когорту личностей, если и не всегда особенно важных, то в любом случае никогда не посредственных в социальном отношении; жилищная практика, где на смену особнякам дедушек и бабушек приходят обширные апартаменты в привилегированных кварталах; замок или, как минимум, просторный господский дом в провинции, хранящие в своих почтенных стенах семейную память; умильные рассказы о теплых отношениях с домашней прислугой, конечно, "составлявшей часть семьи". Было бы наивно полагать, что те, кто не знал ни такого детства, ни такого отрочества, с совершенным безразличием собирают подобные рассказы. Как раз наоборот, эти жизнеописания, где, как кажется, отсутствуют главные трудности, заставляют невольно пережить в зеркальном отражении лишения, бессмысленность, бедность детства и отрочества, не знавшего такой же очевидной полноты. Тем более, что в данном случае скромное или бедное и очень провинциальное детство слушает рассказ детства богатого и парижского. Можно, конечно, дистанцироваться от ощущения выключенности из некоего образа жизни, но, несмотря на все оговорки, возможные по такому поводу, не будет ли это всего лишь защитной реакцией перед тем, что является,

некоторым образом, социальной агрессией? Она не может не заставить почувствовать, и не один раз, то, чем наша жизнь была бедна. И прежде всего, разумеется, в иных измерениях, чем "уровень жизни" и собственно экономическое богатство.

Все отношение к культуре задействовано в этих рассказах и в ощущении исключительности. Как тогда, например, когда обычный ход вещей подразумевает вечера, проведенные в Опере или в театре, и означает, что артисты приходят в дом на ужин. Это отсылки к культуре, составляющей, таким образом, часть жизни семьи, к культуре, которую социологу приходилось иногда отвоевывать, в том числе и в борьбе против своих вкусов и предпочтений. Это взаимное проникновение социальной среды и культуры, по крайней мере, наиболее легитимных форм этой культуры, великолепно иллюстрируется сегодня практикой культурных ралли, объединяющих подростков, обычно человек по 20 - 30, на почве регулярной культурной активности, посещения музеев, церквей, замков, даже посольств, расположенных в зданиях, которые представляют исторический или художественный интерес. Такие визиты, составляющие часть светского обучения детей крупной буржуазии, всегда проходят под предводительством особенно компетентного лица, принимающего этих необычных туристов со всем причитающимся им уважением. Хранитель музея, приходской священник, сам посол, владелец замка - эти люди могут оказаться близкими друзьями или членами семьи кого-то из родителей ребят, приобщающихся таким образом к той культурной практике, которая наиболее высоко ценится и обеспечивает наиболее высокую оценку. Открыть эту практику - означает для социолога не что иное, как взрастить в себе подобие недомогания. Он знает, что никогда не сможет предложить такие условия "обучения" своим собственным детям. Вместе с тем он отдает себе отчет, насколько это фамиллярно-ученое отношение с культурой оказывается фактором, благоприятным для социального успеха и успеха в школьной конкуренции.

3. Столкновение

Все эти символические "агрессии", накопившиеся до и во время проведения кампании по сбору интервью, могут повлечь за собой только самую большую осмотрительность. Человек, с которым договорились по рекомендации одного из связанных с ним людей, не может отказаться от интервью, не причинив неприятности этому посреднику. Социолог, под угрозой потерять драгоценную поддержку для дальнейших исследований, не может позволить себе показаться недостойным доверия, ему оказанного. Первая предосторожность будет заключаться в том, что он приспособит свой облик к тем критериям оценки его внешнего вида и его манеры держаться, которые, насколько он может предполагать, показались бы приемлемыми людям, согласившимся вступить с ним в контакт. Первые же опыты увеличат эту осторожность в отношении одежды, так как социолог очень скоро констатирует: социальные группы, где он ведет свою работу, отказываются пускать все на самотек. Галстук, например, обязателен. Подчеркнутая непринужденность, устанавливающаяся на семинарах в среде представителей социальных наук, заставляет еще лучше понять, что мы проникаем в иную вселенную, чьи своды правил полностью отличаются от тех, которые регулируют повседневное поведение исследователей и университетских преподавателей.

Усилия, предпринятые в отношении одежды, входят в необходимую стратегию отрицания или, по крайней мере, смягчения социальных и, следовательно, идеологических дистанций. Речь идет об определенном способе показать, что ты достоин интереса, и убедить в серьезности твоего предприятия, стараясь и своей одеждой, ну и, конечно, всем своим поведением и манерой выражать себя казаться как можно более близким к миру, от которого ты, впрочем, так далек. Эти стратегии отрицания социальной дистанции не могут претендовать на то, чтобы заставить принять социолога в члены того мира, который он мельком пытается увидеть. Если бы это и было так, то сразу

бы обнаружилось, поскольку большой свет достаточно мал для того, чтобы весьма скоро узнать, кто есть кто. К тому же для этих целей существует каталог, но не "Кто есть кто", поле которого значительно шире границ нашего населения, так как он охватывает, например, политических деятелей всех партий вперемешку, а светский ежегодник Боттэна, роль которого мы уже освещали. Смягчение дистанций должно само собой побороть то, что социология может обозначать как негативный образ в социальной среде, являющейся в основе своей консервативной. Оно выступает условием, если не обязательным, то по крайней мере благоприятствующим хорошему ходу интервью в социальных кругах, которым ничуть не понравится пренебрежение приличиями, хотя бы и приличиями в одежде.

Исследование, впрочем, прекрасно подтверждает важность заботы о представлении себя в этих кругах, идет ли речь об одежде, или, в более общем плане, о владении своим телом. Нужно иметь определенный "класс", другими словами, доказывать самой своей внешностью, своим телом, что принадлежишь к какой-то определенной элите, к господствующему классу. Настоящая визитная карточка - умение представить, преподнести себя - это результат целого образования, дисциплины тела, которые в своих совершенных формах позволяют продемонстрировать "природную" элегантность, соматическое измерение того социального чуда, что превращает приобретенные черты во врожденные качества, той алхимии, что существенна для легитимации отношений господства. Чудо, на которое совсем не способен разряженный социолог, лишенный гибкости и зажатый в костюме, навязанный ему обстоятельствами, оказавшийся перед лицом аристократа или крупного буржуа, столь же свободно себя чувствующего в двубортном костюме, как и в спортивном халате после воскресной пробежки.

Итак, этими соображениями, касающимися одежды, вовсе нельзя пренебрегать с точки зрения результата исследования. Если допустить, что в ситуации интервью ответы, данные интервьюеру,- всегда "специфические ответы, адаптированные

к собеседнику, к тому, что от него ждут или к тому, что он сам ждет от ситуации"⁷, и что это приспособление к собеседнику зависит от того, каким образом он воспринимается и, следовательно, от его внешности, то часть результатов исследования будет зависеть от восприятия интервьюера респондентом. Так, некоторые рассуждения о прогуливающихся по Елисейским полям, о "фауне", которую они собой представляют, не могли быть высказаны интервьюеру в джинсах, потому что клеймом, позволяющим характеризовать эту толщу как "фауну", был как раз его вид, которым исследователь пренебрег. В словах, записанных за последними жителями квартала Елисейских полей, когда проводилось исследование упадка деловых кварталов, вызванного тем, что их покидает большая часть богатых семейств, всегда присутствуют отсылки к определенной телесной постановке. Эта телесная статья позволяет судить о корректности манеры держаться и, следовательно, о том, принадлежит или не принадлежит человек к тому же самому миру. Ссылки на небрежность, с точки зрения достойной манеры держаться, которая должна, в частности, выражать себя отказом приседать на корточки, занимать низкую позицию, близко к земле, часто появлялись в интервью: "Есть типы на земле, продающие невесть что /.../ Все эти уличные продавцы, торгующие без разрешения, должны были бы уйти, все должно быть поднято на какую-то высоту /.../ Повсюду видишь нищих, скрючившихся на ступеньках у входов. Вечером полно плетущихся людей, теперь видишь людей, которые по десять минут сидят на земле. Люди разучились стоять". Так восприятие социальной иерархии пролегает через осанку. Противоположность между низким и высоким в социальном мире отсылает к оппозиции "на земле/стоя", "опустившийся/достойный". Следовательно, манера управлять своим телом немедленно прочитывается как символическое выражение позиции в мире, отношения к миру, господствующего или подчиненного. Эта восприимчивость к телесной стати, уже сама по себе запретила бы исследователю, под угрозой риска собрать

рассуждения совершенно стерилизованные, предназначенные для слушателя, которому не доверяют, явиться на интервью, облачившись в доспехи левого интеллектуала.

Хотя в основе восприятия социальной иерархии лежит важность, действительно придаваемая внешности, и забота об обеспечении как можно более благоприятного представления о себе, оно связано еще и с искупительным обрядом, цель которого - постараться обеспечить успех рискованного предприятия, по аналогии с тем, как матадор сосредотачивается и надевает свою "освящающую одежду", следуя церемонии, предназначенной для того, чтобы облечь его защитой оккультных сил. Дело в том, что погружение в неизвестный мир социолог скромного происхождения не может пережить без определенного понимания универсума, ориентира которого с трудом различаются, как и границы, которые не следует переходить.

Еще до того, как прожить ситуацию лицом к лицу, характерную для интервью, социолог должен, делая шаг навстречу и убеждаясь в бесстыдстве своего проникновения в семейный интим столь высокого уровня, столкнуться с кварталом, где живет тот, с кем назначена встреча. Окружение улиц, внешний вид домов сразу ставят на место человека, не способного добиться того, чтобы жить в подобной же среде. Сами апартаменты умножают это болезненное ощущение, рожденное конфронтацией с пространством, нагруженным, как и все пространства, социальным смыслом. Ибо пространство квартиры, обширной, торжественной, всегда комфортабельной, обставленной со сдержанной роскошью, преподносящей ценные произведения искусства, коллекции редких вещей - это ларец на высотах того существования, что выходит за рамки общей нормы. Площадь салона, где обычно принимают интервьюера, достаточна для того, чтобы сделать очевидным социальное положение интервьюируемого, поскольку верно, что социальная власть всегда является также властью над пространством. Отсутствие власти социолога ощущается в подспудно всплывающем

воспоминании о тесноте его собственной "двойной гостиной" и о необходимости делить крошечный рабочий кабинет с одним из своих коллег. Право на пространство, право занимать пространство является, возможно, одной из самых дискриминирующих социальных привилегий, и тем самым той привилегией, чья символика оказывается наиболее яркой, так как означает власть над расстоянием, возможность держать дистанцию.

Вполне понятно и то, что это отношение к пространству в большой степени зависит от социальных маршрутов и социального происхождения. Эффект господства будет тем живее воспринят исследователем, чем раньше его социальный опыт внушил ему необходимость знать свое место, а стало быть, место непременно ограниченное. Кроме того, в зависимости опять-таки от этого происхождения, он научится лучше или хуже владеть использованием пространства, в частности, управлять своим телом в ситуации, где он преподносится в дар в спектакле, в представлении. Большая буржуазная гостиная требует умения себя представить, требует виртуозности тела, которой выходцы из более низких классов очень неравномерно наделены в соответствии с характером раннего ученичества, и которой негде упражняться ни в сжатых пространствах простонародного жилища, ни в доставшихся среднему интеллигентскому слою чуть более просторных.

Для городского социолога тем более ощутима эта символическая ценность пространства в прекрасных парижских кварталах. Ведь он не может не знать о том, что цены на недвижимость достигают здесь своих вершин. Но, вероятно, не столько рыночная ценность этого исключительного жилища производит эффект господства, сколько ее сочетание с сильной символической ценностью, рождающейся из очевидной важности "семейного" капитала, особой формы, как уже говорилось, социального капитала: галерея портретов предков и среди них несколько старых полотен, старинная мебель, плоды богатства, накопленного предшествующими поколениями, фотография родового

замка, часто помещенная в избранном месте, как помещался бы портрет особо славного и знаменитого предка. В гораздо большей мере, чем экспозицией предметов, замечательных одной своей рыночной ценностью, сдержанная роскошь внушает почтение тем, что выставляет на показ нечто, не имеющее цены, бесценное - время, длительность принадлежности к высоким общественным сферам.

Исследователь поставлен в подчиненное положение речами своих собеседников. Их биографический характер подразумевает рассказ о событиях, выходящих за пределы обыденности и к тому же подтверждающих исключительность данного человека и его окружения. Качество употребляемого языка, демонстрирующее, как правило, совершенное искусство беседы, подтвердит, если возникнет необходимость, качество собеседника. Так собираются воедино условия для того, чтобы установилось чарующее отношение, полное благосклонности, почти что вопреки всем накопленным знакам социальной важности персоны, оказывающей вам прием. Ее время драгоценно и сосчитано, даже тогда, когда эта персона не занята профессиональной деятельностью, требующей пунктуальности. Вам уделяют минутку, которая иногда, впрочем, длится дольше, чем предполагалось.

То дефицитное и драгоценное время, что вам уделяют, ставит исследователя в положение должника, тем самым еще усиливая дистанцию между интервьюером и интервьюируемым. Все эти детали помогают обосновать оригинальность данной ситуации интервью. Лилиан Кэндел права, подчеркивая отношение почтительности, которое устанавливается в ходе интервью и может повлечь за собой согласное поведение по причине различий в статусе интервьюера и респондента, характеризующихся "асимметрией в возможностях проявлять инициативу" и "односторонностью обмена"⁸, что приводит к "почти что полному отсутствию возможности для субъекта влиять на ситуацию или своего собеседника"⁹. В буржуазном окружении неравенство ситуации оказывается перевернутым.

При обычном раскладе, где исследователь находится в господствующей позиции, он по своему усмотрению информирует собеседника о целях исследования, его ходе, даже об условиях публикации результатов. Но эта информация даруется благодаря доброй воле интервьюера. Здесь же она вмещается в обязанность интервьюера самим интервьюируемым, который в большинстве случаев требует, чтобы его проинформировали об этих аспектах работы, в которой он согласился участвовать. "Право на высказывание превратилось в простое право на ответ", - пишет Л.Кэндел. В обратной ситуации оказывается социолог, работающий на вершинах общества, так как его тоже спрашивают о конечных целях его работы, условиях ее финансирования, структурах, куда он включен... Из вопрошающего он превращается в опрашиваемого, новую версию "политого поливальщика". Дело в том, что культурное запугивание, всегда действующее, если интервьюируемый относится к среде, совершенно чуждой миру ученой культуры, не играет роли в этой привилегированной среде, щедро наделенной не только культурным капиталом, но также и другими формами капитала. Это достояние позволяет ей переживать с большой безмятежностью самые необычные, самые травмирующие ситуации социального взаимодействия, одной из которых является ситуация интервью, всегда одновременно выступающая демонстрацией интеллектуального и научного труда.

Относительное владение ситуацией интервью в той мере, в какой социолог все же сохраняет контроль над своим поступком и в силах оставить от интервью только то, что кажется ему желательным, может привести к сдержанности в ответах, которые будут даны исследователю. Все исследование выявило заботу о сдержанности, желание, внушенное очень твердым воспитанием на этот счет, не выставлять бесстыдно напоказ ни свое богатство, ни свою культуру. Существует, стало быть, риск того, и им нельзя пренебрегать, что если не принимать во внимание это стремление к сдержанности, то часть того, что составляет исключительность данного существования, ускользнет

от изучения, так как не станет случайно приоткрываться человеком, вовсе не беспокоящимся о том, чтобы удивить собеседника. Стремление исследователя охватить образ жизни во всей его совокупности и не оставить ни одного относящегося к нему аспекта в тени, делает еще более деликатным и другое обстоятельство: некоторая совесть, более или менее ясно осознаваемая самим социологом, основанная, в частности, на христианской вере, порой очень сильной и, следовательно, заставляющей в некоторых случаях чувствовать себя счетоводом социальных неравенств, от которых другие объективно получают выгоду.

Качество собранных материалов, в особенности полученных в интервью, существенно зависит от постоянного самоанализа в исследовательской ситуации, независимо от того, что за группа затронута. Смягчение социальной дистанции, обеспеченное здесь благодаря рекомендации и заботе, уделенной представлению себя, являются необходимыми условиями, если мы вслед за Жаном-Полем Сартром хотим признать, что социолог "напоминает сыщиков, образец которых преподносит нам кино, тех, что завоевывают доверие банды, чтобы суметь лучше ее выдать"¹⁰. Крутая формула, однако она хорошо отражает необходимость вызвать доверие интервьюируемого и для этого как можно лучше приблизиться к его социальным критериям, соблюдая минимум сходства. Речь идет не о том, чтобы неловко обезьянничать в среде, куда исследователь хочет внедриться. Таким поведением можно провалить исследование. Не соответствовать элементарным правилам предосторожности означает обречь себя на сбор высказываний, приспособленных под собеседника, которому не доверяют, или еще хуже того, войти в контакт лишь с маргиналами данной среды, находящимися еще только на подъеме в нее или уже в упадке, и в силу этого социально более близкими социологу.

4. Интерпретация

Понятно, что может стоить большого напряжения, вернувшись в безопасное пространство своего рабочего кабинета, не отомстить за пережитые символические "унижения" или, по крайней мере, не компенсировать это опрокидывание неравноправного отношения интервью, к которому социолог не привык. Это означало бы принять установку презрительной иронии, так охотно употребляемую по отношению к господствующим классам теми, кто на самом деле, может быть, наиболее близок к ним, но не располагает в той же мере всеми формами капитала, создающими действительно господствующее положение. Искушение взять классовый реванш может привести лишь к непониманию логики, действующей в этой среде, и к карикатуре на ее социальную действительность. Такая форма систематического умаления достоинств, форма сплетен, пользуясь термином Н.Элиаса, мало имеет общего с научной практикой, даже если она является одной из наиболее частых форм отношений между группами¹¹.

С самого начала редактирования интервью мы взяли за принцип не делать никаких уступок в содержании и отказывались от удобства лаконичной записи, в некотором смысле опасной, учитывая социальное положение затронутых людей. Мы поступили точно так же, как ранее один из нас в работе о металлургах долины Мез, когда постарался изгнать любое снисхождение, любой покровительственный тон в анализе и в комментариях¹². по отношению к господствующим. Систематическая ирония и покровительство по отношению к угнетенным, через задушевный тон, который плохо скрывает чувство превосходства автора, часто являются двумя взаимодополняющими гранями отношения к социальному миру со стороны групп, находящихся в положении посредников между первыми и вторыми.

Легко разобратся в том, что в нашем способе анализа и редактирования исходит из здоровых опасений за будущее

наших исследований в этой среде, что из принципа уважения к опрашиваемому, независимо от его социальной принадлежности, что из строгости, лишенной всякой страсти и всякой враждебности, в манере отчитываться о собранном материале. Во всяком случае мы чувствуем, что ничем не поступились в содержании, сохраняя умеренный и нейтральный тон, насколько это возможно. Мы настаивали на стратегиях изоляции высших классов, которые стремятся занимать в городе специфические места, ясно очерченные и изолированные от других социальных групп. Семьи, принадлежащие к высшим классам, живут в квази-гетто. Но эта жизнь в отрыве от средних слоев и от народа не является достаточной гарантией оптимальных условий управления различными формами капитала и его передачи. Ралли и кружки завершают то, что пространственная сегрегация могла оставить неоконченным. Эта исключительная строгость обозначает границы вежливости социальной группы, которая запрещает себе частое общение с теми, кто не принадлежит к ее миру. Речь идет о своего рода светском остракизме, отодвигающем без долгих церемоний тех, кого неумолимо метит социальное клеймо.

Все это было написано, но уверенность, что тексты смогут быть прочитаны частью заинтересованных лиц, запретила любую попытку прибегнуть к критической иронии, чтобы дистанцироваться от изучаемого населения. Присутствовала ли к тому же внутренняя цензура? Конечно, не сознательная, но вполне возможно, неконтролируемая? Авторам трудно об этом судить. Принцип анонимности всегда облегчает дело в той степени, в какой за рамками само собой разумеющейся практики такого рода исследований псевдоним, приписанный каждому интервьюируемому, имеет, помимо всего прочего, способность разрушать в значительной степени шарм, который мог благоприятствовать взаимоотношениям в интервью. Анонимность, устанавливая дистанцию между записанным словом и говорящим, который некоторым образом его лишается, доставляет исследователю самое большое чувство свободы, самое лучшее

для того, чтобы продолжать анализ, не беспокоясь об отношениях, которые могли бы установиться, чаще всего мимолетно, с опрашиваемыми.

Большая независимость в работе рефлексии и в анализе собранных материалов, желание принять нейтральный тон, лишенный любой социальной предвзятости, привели к тому, что текст был встречен очень неоднозначно. Все происходило так, будто каждый читатель приносил в свое чтение собственное отношение к изучаемой группе, собственные траектории, собственное вероятное социальное будущее. Конечно, так, отчасти, обстоит дело со всеми текстами, но социологический текст вызывает столь контрастирующие реакции достаточно редко. Что касается опрошенных, то они обычно выражали свое удовлетворение описаниям их повседневной жизни, признавая честное соответствие действительности. Желание обособиться, подчеркнутое в анализе, полностью ими принимается, поскольку определенный социальный цинизм позволяет без ложного стыда сознаваться, что лучше всего чувствуешь себя с людьми, которые на тебя похожи. Что же касается реакции критиков или коллег, то она варьировалась от одобрения и исследования, и текста, не содержащего никакой иронии по отношению к изучаемой среде и не скрывающего социальный смысл, филигранно представленный, а именно, смысл социального воспроизводства, до разоблачения сомнительного заискивания перед благополучными семьями, когда делается более или менее явный упрек в наивной зачарованности. Эта чувствительная разница в восприятии текста могла бы быть, по нашему мнению, скорее признаком качества проделанной работы, поскольку мы интерпретируем ее как выражение реального социального разнообразия исследователей, приносящих в чтение свое непосредственное отношение к изучаемому объекту.

Возвращение к изучаемому населению, которое столь непросто осуществить, исследуя народные слои, здесь почти что само собой разумеется, потому что мы имеем дело с группами, где важное место занимает практика чтения. Не так очевидна

возможность возвращения самого исследователя, который обязательно волнуется о том, как встретят его работу. И можно спросить себя, не являются ли в большинстве случаев писания, предназначенные лишь для посвященных, средством сделать совершенно невероятным возвращение исследования к тем, кто стал его предметом.

Перевод с французского О.Трущенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная попытка осмыслить опыт проведения социологического исследования в среде парижской аристократии и крупной буржуазии является косвенным результатом работы, опубликованной под названием "В богатых кварталах" (Pincon M., Pincon-Charlot M. Dans les beaux quartiers. Paris, Editions de Seuil, 1989).

² О важности известной фамилии, о ее символической и практической ценности, о целях, связанных с ее защитой, см. нашу статью "Родовая фамилия как гарантия социального превосходства" (Pincon M., Pincon-Charlot M. "Le nom de la lignee comme garantie de l'excellence sociale"//Ethnologie francaise. 1990. N1).

³ Речь идет о кружках и клубах, таких как Жокейский клуб, Кружок межсоюзнического объединения, Автомобильный клуб Франции, Кружок Булонского леса и т.д., которые собирают сливки аристократии и крупной буржуазии на основе кооптации по строгим социальным критериям.

⁴ В этом новом исследовании речь идет о том, чтобы проанализировать, как конкурируют между собой деловые круги, торговля предметами роскоши и выдающиеся семейства за то, чтобы размещаться в западных кварталах Парижа (в частности, в 8-м округе и в "Золотом треугольнике", очерченном улицей Монтень, улицей Георга Пятого и улицей Елисейские поля). (См.: Pincon M., Pincon-Charlot M. La conquete de l'Ouest. Paris, Editions Payot, 1992).

⁵ Инициатива попасть в этот ежегодник высшего общества предоставляется лицу или семье, которые сами хотят там фигурировать. Но по условиям, кроме обязательной подписки на экземпляр следующего издания книги, требуется поддержка их запроса со стороны двух человек, уже состоящих в списке. Это "крестничество", оказывается

гораздо менее строгим, чем в случае вступления в кружки, где не каждый допускается в "крестники". Здесь не требуется, чтобы они открыто вели себя как гаранты кандидата, но такой поступок все же предполагает, что рекомендуемый человек обладает минимумом социального капитала. Таким образом, лишний раз повторяется основополагающий обычай представления группе нового члена, который еще с ней не освоился, но уже по рождению входит в эту семью.

⁶ Ралли, финансируемые одной или несколькими умудренными опытом матерями, и именуемые чаще всего по их фамилиям (ралли Ла Бретэш - Броли - Монморан, раут Шлумбергер) исключительно на основе закрытых списков, объединяют подростков из одного и того же мира, из "большого" света.

⁷ Liliane Kandel, *op.cit.*, p.36.

⁸ *Ibid.*, p.38.

⁹ *Ibid.*, p.39.

¹⁰ Jean-Paul Sartre. *Questions de methode*. Paris, Gallimard, 1960 (reedition dans la collection *Idees*, 1967, p.99).

¹¹ Норберт Элиас использует эту формулу для того, чтобы охарактеризовать отношения между "окупантами" и "посторонними" в микрорайонах одного из индустриальных городов. "Повсюду, - пишет он, - приписывание себе харизмы группы и приписывание постороннему группового бесчестия являются взаимодополняющими феноменами". Кажется, понятие может быть распространено и на рассуждения подчиненных слоев господствующих классов по поводу их господствующих слоев, от которых важно отличаться в положительную сторону. См.: Norbert Elias. "Remarques sur le commerage" // *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1985, N 60, p.22-29; N.Elias, J.-L.Scotson. *The Established and the Outsiders*. London, Frank Cass and Co., 1965.

¹² Pincon M. *Dessarois ouvriers. Familles de metallurgistes dans les mutations industrielles et sociales*. Paris, l'Hartmann, 1987.